

ОТЗЫВ

официального оппонента

по диссертации Букаловой Светланы Владимировны
«Институционализация системы социальной помощи в Российской империи в
годы Первой мировой войны (август 1914 – февраль 1917 годов)» по
специальности 5.6.1. «Отечественная история», представленную на
соискание учёной степени доктора исторических, выполненную на кафедре
истории, политологии и государственной политики Среднерусского
института управления – филиала ФГБОУ ВО «Российская академия
народного хозяйства и государственной службы при Президенте
Российской Федерации»

Актуальность темы диссертационного исследования С.В. Букаловой очевидна. В современных развитых странах в связи с прогрессирующим «старением» автохтонной массы населения все более острой становится проблема социальной поддержки людей, неспособных самостоятельно поддерживать достойный уровень существования. Отсюда проблема поиска оптимальных моделей взаимодействия власти и общества в ее решении. Приходится также учитывать возрастание массы различного рода мигрантов и беженцев, остро нуждающихся в различных формах вспомоществования. Исходя из этого обращение к опыту России, оказавшейся в 1914–1916 гг. в экстремальной ситуации тотальной войны, может оказаться полезным для нынешних практик социальной поддержки.

Ситуацию в России накануне Первой мировой войны, можно определить известной характеристикой В.О. Ключевского: «Государство пухло, народ хирел». С началом войны ситуация усугубилась. Как можно было выбраться из такого положения, учитывая, что государство приблизилось к грани финансового кризиса, а самоуправленческие структуры и общественные организации издавна страдали от нехватки средств? Автор диссертации пытается решить эту проблему на примере организации государством помощи лицам, пострадавшим от войны.

Отсюда **цель исследования** С.В. Букаловой: определить тенденции формирования системы социальной помощи жертвам войны, установить

принципы и практику взаимодействия власти и общества в решении этой задачи, полагая, что в результате «можно будет уточнить роль государственных и общественных институтов в преодолении социальных дисфункций». Диссертант заявляет, что руководствуется системным подходом, предполагающим «рассмотрение единого предмета исследования с разных точек зрения» (с. 37). На деле предпочтение отдается рассмотрению проблемы с государственных позиций.

В 1-й главе «Концептуальные основы исследования системы социальной помощи в годы Первой мировой войны» С.В. Букалова перечисляет теоретические подходы, которыми отмечены новейшие исследования по теме. В ряде случаев диссертант справедливо критикует своих предшественников. Так заявление Г.Н. Ульяновой о том, что «филантропическая деятельность завоевала авторитет у народа» (с. 7), ничем не подтверждено. Еще более сомнительна попытка того же автора связать развитие благотворительности с прогрессом гражданского общества (с. 52). Поэтому непонятно, почему диссертант называет Ульянову «авторитетом в области исследования структур и процессов гражданского общества» (с. 6). Поэтому странно звучит такое заявление диссертанта: «Переход государства к активным действиям в социальной сфере соответствовал логике трансформации полицейского государства в государство благосостояния» (с. 66). Хочется напомнить, что всякая авторитарная власть руководствуется своей собственной логикой (преимущественно стратегией самосохранения, не говоря уже о монарших капризах), что, кстати сказать, подтверждается текстом самой диссертации.

С.В. Букаловой следовало бы ориентироваться не на работы Г.Н. Ульяновой и С.Н. Тумановой (выводящую, как не абсурдно, наличие «развитого гражданского общества» в самодержавной России из роста количества общественных организаций), а на специалиста по исторической политике И.И. Куриллу, который отмечает характерную для империи «интегрированность общественных структур в аппарат государственного

управления, преобладание вертикальной иерархии над горизонтальными взаимодействиями» (с. 47). Очевидно, что война давала шанс преодолеть эту архаичную особенность, но что происходило в действительности? Четкого ответа на этот вопрос диссертация С.В. Букаловой не дает.

Диссертант весьма обстоятельно перечисляет источники по теме исследования. Предпочтение отдается документам ведомственного происхождения, что в целом соответствует целям исследования. Документы личного происхождения представлены слишком скромно.

Во 2-й главе «Верховный совет по призрению семей лиц, призванных на войну, а также семей раненых и павших воинов» диссертант отмечает, что в самом начале войны правительством было признано, что существующей системы самоорганизации и взаимопомощи населения недостаточно для решения усложнившихся задач внутренней жизни. Следовало принять меры к активизации и упорядочению деятельности многочисленных частных, общественных и правительственных инициатив. Справедливо отмечается, что при этом сразу по прихоти императрицы едва не возникло «двоеначалие»: амбициозная Александра Федоровна посчитала, что вся деятельность в этом направлении должна осуществляться под ее патронажем, то есть попыталась оттеснить свою сестру Елизавету Федоровну от руководства. В результате под председательством императрицы был образован особый Верховный совет (около 50 человек), призванный координировать деятельность всех организаций, занимающихся помощью семьям лиц, призванным на фронт. В сущности это была ненужная надстройка над естественно складывающейся системой благотворительности, о чем диссертант умалчивает. В результате благотворительность военных лет оказалась опутана массой ритуальных условностей и страдала от внутренних противоречий, что отмечали мемуаристы. Диссертант справедливо отмечает, что на местах действовали «многочисленные и весьма разнообразные объединения, занятые помощью семьям воинов, чьи отношения с Советом по призрению не определены

должным образом..., что порождало дублирование, неравномерное развитие разных видов призрения и нерациональное распределение имеющихся средств» (с. 133). Между тем, внутри Совета возникло множество «говорилен», напоминавших межведомственные правительственные совещания (что справедливо отмечается диссертантом). Не удивительно, что штат Совета выглядел раздутым (с. 189–190).

Примечательно, что на первом этапе частная благотворительность и государственное участие уравнивали друг друга. Со временем последовало сокращение пожертвований, поступавших в адрес Совета. По мнению диссертанта, «это происходило как вследствие нарастания трудностей и ухудшения материального положения жертвователей, так и из-за роста числа нуждавшихся в помощи, что приводило к распылению благотворительных средств» (с. 142–143). Однако могло сказаться также разочарование жертвователей в действиях официальных органов.

С.В. Букалова констатирует, что «финансовый оборот Совета по призрению в 1914-1915 годах составил около 17 миллионов рублей, увеличившись в 1916 г. до 30 миллионов рублей...» (с. 158). Но за счет чего это произошло, не указывается. Критические суждения о финансовой деятельности Совета также практически отсутствуют.

Из приведенных диссертантом официальных сведений видно, что Совет всячески сдерживал финансирование общественных организаций и органов самоуправления на основании положений довоенного времени. В частности предложения об отмене норм Закона 1912 г. о временной пенсии для нетрудоспособных были внесены в виде законодательного предположения в Совет по призрению лишь в октябре 1916 г. (с. 170). С другой стороны, казенные пособия подчас оказывались настолько мизерными, что доверие населения к официальным инстанциям не могло не падать. Так, Совет по призрению высказался против законодательного наделения незаконнорожденных правом на казённое пособие (с. 159) – эта

мера была поддержанная императрицей из «моральных» соображений. Такого рода официальное ханжество лишь усиливало недовольство властью.

Порой решения принимались Советом избирательно – особенно когда дело касалось организаций, действующих под великокняжеским патронажем (с. 172). Такие решения повышали надежды нуждающихся на помощь со стороны общественных организаций и частных лиц. Неслучайно в Союзе городов отмечали, что требуемое законом индивидуальное рассмотрение каждого ходатайства в соответствии с имущественным и семейным положением просителя было заменено формально-бюрократическим подходом, ведущим к несправедливому распределению пайков (с. 168–169).

К сожалению, Букалова постоянно избегает критических оценок деятельности Совета по призрению. Они подменяются туманными заявлениями о «взаимопроникновении благотворительных и государственно-организованных начал в социальной сфере» (с. 171). Куда более справедливым является вывод о том, что «для сферы социальной помощи... была характерна полисубъектность, многоуровневость и многоукладность, фрагментарность и ситуативность...» (с. 179). Отсюда такой, к примеру, результат: «Особенности формировавшейся в имперский период системы помощи инвалидам Первой мировой войны состояли в отсутствии специализированного бюрократического аппарата...» (С. 205). Получается, что диссертант видит главную задачу своего исследования лишь в демонстрации совершенствования Советом своего собственного аппарата. Вряд ли такой подход можно назвать системным, как было обещано.

В 3-й главе «Комитет ее императорского высочества великой княгини Елизаветы Федоровны по оказанию благотворительной помощи семьям лиц, призванных на войну» рассматриваются полномочия, структура и финансы организации, ее место в системе призрения жертв войны. Елизаветинский комитет имел многоуровневую разветвлённую структуру, включавшую значительное число ассоциированных благотворительных органов общественного призрения (до 6 тыс.) и занимался организации поддержки, дополняющей казенный паек.

Деятельность Елизаветинского комитета рассмотрена более обстоятельно, чем работа Верховного совета, что совершенно оправдано. Комитет по своему составу был более «демократичным», чем Совет (с. 211–212) и, соответственно, работоспособным. В отличие от сестры-императрицы Елизавета Федоровна лично вникала в дела организации (с. 230–231), противилась появлению ненужных бюрократических структур, насаждаемых сверху (с. 242). В первый год существования финансовое положение Комитета было достаточно благоприятно и давало ему возможность вести довольно широкую деятельность (с. 223). Букалова отмечает и недостатки в деятельности комитета. Хотя взаимодействие его центрального органа и местных отделений строилось на основе циркуляров, смет и отчётов, однако общего подхода к составлению смет так и не появилось (с. 233). При этом вызывает сомнение мнения диссертанта, что «финансовые отношения между местными отделениями и центральным Елизаветинским комитетом строились на принципах автономии и субсидиарности (с. 237). Опыт подсказывает, что формальное провозглашение этого принципа в авторитарных системах постоянно нарушается в связи с тем, что высшие инстанции обладают многообразными способами давления на нижестоящие органы. Тем не менее, вывод Букаловой о том, что Елизаветинский стал организационной основой системы социальной помощи жертвам войны» (с. 253), звучит убедительно.

В 4-й главе **«Система общественного призрения жертв войны»** показано, что с началом военных действий состав соответствующих попечительств губернского и уездного уровня заметно «демократизировался» (с. 258–259). Диссертант приводит сведения о том, что в результате получения пайков семьи лиц, ушедших на войну, не терпели нужды в хлебе и отоплении (с. 260). Следует, однако, учитывать, что эта информация исходила из так называемых производящих губерний Юга России. Положение в губерниях Нечерноземья было иным. При этом, по справедливому замечанию «либерального» министра А.В. Кривошеина, «вся

правительственная помощь была бы бессильна без подъёма крестьянской взаимопомощи» (с. 261). Таким образом, и в данном случае не следует идеализировать результаты работы правительственных ведомств. К тому же мирская взаимопомощь даже в Черноземье со временем сокращалась (с. 263–264), что автоматически требовало усиление помощи со стороны властей. На деле, как показано диссертантом, в деле поддержки крестьянских хозяйств активизировались земства и городская общественность, а не правительственные органы.

Справедливо опасение компетентных лиц, что организация помощи крестьянам не должно допускать иждивенчества – извечного уродливого спутника благотворительности. Целью такой помощи было как сохранение источников существования солдатской семьи, так и стабилизация сельскохозяйственного производства (с. 277). Но возникает вопрос: в какой степени была достигнута эта цель? Ответ увы, отсутствует.

С первых дней войны «сироты защитников Родины» стали рассматриваться как наиболее приоритетная категория адресатов социальной помощи. Этим должен был в первую очередь заниматься Романовский комитет для призрения сирот сельского состояния. Однако диссертант излагает ситуацию так, как будто дело сдвинулось с мертвой точки только после благословляющей резолюции Николая II (с. 282). В общем, и в данном случае имеет место идеализация властных решений. Таким образом, вывод автора о том, что «несмотря на признаваемую современниками острую нужду в детском призрении, отсутствие централизации, регламентации и надёжного финансирования.., общественное призрение могла получить большая часть нуждавшихся в нём детей» (с. 293), звучит декларативно. Общественность неслучайно напоминала, что попечение о детях является «безусловной обязанностью государства и должно осуществляться на средства казначейства, тогда как непосредственную организацию попечения следовало возложить на органы местного самоуправления (с. 299–300).

Организационную основу призрения душевнобольных воинов и прочих пострадавших в связи с войной лиц должны были составить преимущественно земские и городские психиатрические больницы. Между тем Земский и Городской союзы, формально состоявшие под эгидой Красного Креста, не считали себя его частью и посягали на его предмет ведения. Если РОКК рассматривал своё участие в организации психиатрической помощи как временное, то Союзы были заинтересованы в закреплении за собой руководящих функций в данной сфере (с. 341). В общем, конструктивно сотрудничества государства и общественности в данной области также не сложилось. Между тем Букалова заключает, что «в целом система социальной помощи жертвам войны, вышедшая за рамки сословной ограниченности, религиозной мотивации и примитивной эпизодичности раздачи милостыни, пользовавшаяся общественным вниманием и государственной поддержкой, может рассматриваться как один из каналов модернизации общественных отношений» (с. 344). Вывод звучит странно, поскольку всякая модернизация общественных отношений по определению связана с расширением общественной самодеятельности. Однако даже из текста диссертации видно, что государство скорее препятствовало, нежели содействовало этому процессу. Более обстоятельно это показано в специальных исследованиях, посвященных кризису самодержавия, о которых Букалова даже не упоминает.

В значительной степени отмеченные недостатки работы связаны со слабым знакомством диссертанта с работами более общего характера и стремлением заузить предмет исследования ведомственными рамками.

О благотворительности в России написано уже немало, причем с этатистских позиций (что связано с гипнотизирующим исследователей обилием официальных отчетов). В связи с качеством подавляющего большинства опубликованных работ и диссертаций, хочется вспомнить еще одну фразу Ключевского: «Мудрено пишут только о том, чего не понимают». Действительно к большинству работ это относится в полной мере:

понимание сути проблемы подменяется обилием мудреных терминов и раздуванием числа «понятий». Этот упрек можно адресовать и автору данной диссертации. Букалова пишет в основном о намерениях и инструкциях соответствующих ведомств, оставляя в стороне реальные результаты их деятельности.

Как в свое время выразился один известный общественный деятель, «чтобы накормить голодного, не нужно умозаключать». Под таким углом зрения следовало бы оценивать и деятельности соответствующих органов. Социальная помощь тем или иным группам населения не нуждается в особом теоретическом обосновании. Это просто моральный долг государства, общества, состоятельных людей. Обычно такие процессы развиваются стихийно. Поэтому сомнительна идея привычной для бюрократического государства тотальной «институализации» того, что рождается спонтанно, «по зову сердца». Корректнее было бы называть проходившие процессы бюрократической этатизацией, причем чрезмерной. Российское самодержавие всегда препятствовало любому независимому проявлению общественной инициативы, что, в конечном счете, погубило его. Непонятно, почему диссертант для подспудного оправдания государственной политики упоминает Талкотта Парсонса, причем без ссылки на его работу (С. 11). Этот социолог во многом устарел. В любом случае, к анализу ситуации в Российской империи уместность его подходов выглядит сомнительно.

Сам по себе уровень развития социального вспомоществования связан не только и не столько с соответствующими институтами и имеющимися средствами, а с гражданской зрелостью социальной среды. С этим в России обстояло не столь благополучно. Неразвитость гражданских инициатив и слабость самоуправленческих структур заставляло государство активизироваться, что оборачивалось прогрессирующей бюрократизацией и сопутствующей ей показухой с помощью цифири (которой переполнены соответствующие отчеты). Поэтому требуется основательная критика источников, что в данной диссертации отсутствует. Более того, создается

впечатление, что Букалова исходит из презумпции правоты государства, единственно способного решить те или иную проблему. Но в таком случае возникает вопрос об эффективности его деятельности. Похоже, что Букалова намеренно уходит от ответа на этот вопрос.

Диссертант часто невольно применяет те или иные понятия. Как видно Букалова считает, что идентичность создается сверху (с. 3). Однако при всей запредельной этатизации социального пространства в России ее идентичность формировалась на протяжении многих веков, причем указам сверху постоянно противостояла традиция, формирующаяся на производственно-бытовом уровне. То же самое можно сказать о так называемом социальном государстве: оно вырастает снизу на основе самостоятельных инициатив общественности, которые в корне меняют саму природу государства.

Вызывает изумление фраза диссертанта: «Нормативно-санкционирующая функция государства реализовывалась на основе идеологии патернализма» (с. 18). Хочется напомнить, что патернализм – вовсе не «идеология», а своего рода моральный императив, прописанный во всех мировых религиях. В качестве традиции он имплицитно присутствует даже в развитых демократиях. Этот феномен попросту не укладывается в привычные социологические рамки. Следует также иметь в виду случаи, когда то или иное государство намеренно выставляет свою заботу об «униженных и оскорбленных» напоказ – особенно когда власть явно не справляется со своей естественной задачей. Тем более «социологизировать» благотворительность не стоит.

Верным представляется мнение М.Г. Ковалевой, что «система связанных с правящей династией государственных (полугосударственных) благотворительных учреждений была «громоздкой и противоречивой» (с. 60). Однако, похоже, что Букалова с этим не согласна. Об этом свидетельствует такая фраза: «Одной из немногих, Е.Ю. Семёнова вписывает благотворительность в рамки более масштабного явления, рассматривая её

как часть духовной культуры общества» (с. 62). Действительно, сюжеты, описанные в диссертации, уместно оценивать, прежде всего, с культурно-исторических, а не этатистских позиций. Это проблема духовно-нравственного состояния социального пространства, а не ведомственно-управленческих инициатив государства.

Между тем, диссертант неслучайно (что у нас случается постоянно) путает метафору с концептом. Реальные процессы заменяются «моделями» (с. 67), причем даже в случаях, когда в действительности имели место спонтанные решения и «неуправляемые» социальные практики.

В некоторых случаях создается впечатление, что диссертант некорректно использует тексты других авторов: вырывает фразы из контекста, а затем излагает их «по-своему». Во всяком случае, некоторых своих собственных высказываний в интерпретации Букаловой я просто не узнал.

Историографический раздел по большей части повторяет предыдущий. Что касается источниковедения, то он по большей части представляет собой простой перечень официальных документов. Критика источников – главная задача всякого историка – отсутствует. Источники личного происхождения представлены крайне слабо. В списке литературы подчас упоминаются мемуары, ссылки на которых в тексте диссертации отсутствуют.

Разумеется, было бы несправедливым вменять указанные недостатки персонально одной С.В. Букаловой. Таковы общие слабости практически всех современных диссертаций – и не только по данной теме. Диссертант поневоле начинает говорить на общепринятом «научном» языке. Отсюда путаница с понятиями, противоречивые заявления и т.п.

Указанные недостатки касаются в основном 1-й главы диссертации. Последующие главы содержат весьма важный конкретный материал.

Вместе с тем, странно звучит один из выводов Заключения. Диссертант пишет, что «в годы Первой мировой войны развитие системы социальной помощи связано с появлением правовых норм и организационных структур,

на основе которых складывались устойчивые, воспроизводящиеся общественные отношения, обладающие определёнными ценностями» (с. 353). Получается, что без «правовых норм и организационных структур» никто ничем не смог бы помочь жертвам войны. Насколько известно, Земский и Городской союзы, а также частные лица с началом войны активизировались (что видно из текста диссертации) и начали действовать, не ожидая появления подобных «норм», достаточно было санкции со стороны высшей власти. К тому же заявление Букаловой о том, что «государство постепенно становилось ведущим субъектом помощи» (с. 353) расходится с упоминаниями о том, что общественные организации составляли свои планы, разворачивали активную деятельность, создавая свои центральные органы по тем или иным направлениям вспомоществования (с. 307, 308, 309, 333).

Среди мелких замечаний следует отметить наличие ненужных повторов (Ср.: с. 119–120 и 219–220), а также в целом ряде случаев корявость изложения (некоторые из них заметны в приводимых цитатах).

Указанные недостатки типичны для многих других работ по данной теме. Некоторые авторы почему-то считают, что задача историка – отдавать приоритет исторической роли государства. Поэтому, учитывая современное состояние исторических исследований по данной проблематике, следует признать, что работа выполнена на сложившемся исследовательском уровне. Новаторство диссертации заключается, главным образом, в привлечении нового архивного материала (к сожалению, также практически полностью исходящего из бюрократических госструктур).

Заключение: диссертация Букаловой Светланы Владимировны «Институционализация системы социальной помощи в Российской империи в годы Первой мировой войны (август 1914 – февраль 1917 годов)» является научно-квалификационной работой, в которой содержится *решение научной проблемы, имеющей важное социально-экономическое и культурное значение*, что соответствует требованиям Положения о присуждении учёных

степеней, утверждённого Постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 года №842 и Порядка присуждения учёной степени кандидата наук, учёной степени доктора наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, утверждённого приказом ректора ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации» (в редакции приказа от 30 апреля 2025 г. № 02-763), а Букалова Светлана Владимировна заслуживает присуждения ей учёной степени доктора исторических наук по специальности 5.6.1 - Отечественная история.

Официальный оппонент,
доктор исторических наук
главный научный сотрудник Центра
изучения новейшей истории России и политологии
ФГБУН Институт российской истории
Российской академии наук

«26» августа 2025 г.

В.П. Булдаков

ФГБУН Институт российской истории Российской академии наук
117292, г. Москва, ул. Дмитрия Ульянова, д. 19
+7 (499) 126-94-49, e-mail: novistiriran@mail.ru